

Людмила Альбертовна Сабурова

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Удмуртского филиала
Института философии и права УРО РАН,
г. Ижевск, Россия. E-mail: sabur@udm.ru
ORCID ID: 0000-0002-7243-652X

В ТЕНИ КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ДИСФУНКЦИЙ В АКАДЕМИЧЕСКОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

В статье предпринимается попытка идентифицировать коррупционные риски и проявления коррупции в конкретной профессиональной сфере – в академической науке. Подчеркивается, что, в отличие от многих других сфер общественной жизни – государственного и муниципального управления, охраны правопорядка, образования, медицины, коррупционные отношения в научной среде реже оказываются предметом научного изучения, несмотря на то что общественный интерес к ситуации с «фальшивой наукой» в последние годы растет. В силу большей закрытости академической среды и менее очевидной социальной значимости результатов научной деятельности наука во многих исследованиях даже не упоминается среди сфер жизни, подверженных коррупции, что, конечно, не означает ее неуязвимости для коррупционных процессов.

Именно поэтому при изучении коррупционных рисков науки важны не только внешние, сторонние оценки, но и взгляд «изнутри». Представленные в статье ключевые положения основываются как на анализе данных открытых источников, так и на рефлексии самих представителей научного сообщества, выявленной в ходе эмпирического исследования трансформации регионального академического сообщества Удмуртской республики.

В качестве звеньев науки, наиболее подверженных коррупционным рискам, в статье анализируются практика фальсификации диссертаций, риски фальсификаций в публикационной сфере, а также механизмы распределения грантовой и иных форм финансовой поддержки научных исследований. Эти риски не обязательно подразумевают коррупцию в буквальном значении, поскольку за ними могут стоять все виды дисфункций системы производства научного знания – недобросовестность, плагиат, несправедливое распределение финансирования, имитация научной работы и т.д. Причем они чаще всего имеют место не внутри собственно научного процесса, а на границах академического мира, прежде всего – во взаимоотношениях науки с системой государственного распределения

материальных и символических ресурсов. Подчеркивается, что эти дисфункции в большей степени влияют на систему профессиональных норм и ожиданий внутри сообщества и за его пределами, помещая науку в некую «тень» коррупционных ожиданий.

Соответственно делается вывод о том, что коррупционные процессы, гипотетически присущие науке во взаимодействии с внешними агентами и институтами, влияют на развитие научного потенциала не прямо, а косвенно – через снижение стандартов научной работы, с одной стороны, и, с другой – через снижение профессиональной мотивации самих ученых, оказывающихся в позиции дезориентации и все большей изолированности от общественных ресурсов.

Ключевые слова: коррупционные риски, академическое сообщество, качество научной продукции, прозрачность, коррупционные ожидания, дисфункции.

Одно из методологических ограничений в исследовании коррупции, по мнению многих ученых, заключается в сложности самой идентификации явления, определения его границ. В обществе с высоким уровнем коррупции, каковым выступает сегодняшняя Россия, это ограничение усугубляется еще и тем, что «привычка» к самой коррупции и к дискурсу по поводу коррупции приводит к тому, что многие явления – противоправные либо не соответствующие моральным нормам – автоматически обозначаются как коррупционные, хотя формально, а иногда и фактически никак с коррупцией не связаны. В частности, неоднозначная ситуация с использованием личных связей двух профессионалов для взаимовыгодного решения деловых задач может быть воспринята в качестве злоупотребления служебным положением либо в качестве использования социального капитала для успешной реализации профессиональных целей. Или, например, недобросовестное выполнение контроля за качеством работы подрядчика или подчиненного в ситуации дружеских отношений участников коммуникации теоретически тоже может быть истолковано как коррупционная сделка, хотя, по сути, таковой и не является, если недостаточный контроль результат не умышленного «закрывания глаз на плохое качество работы», а просто избыточного доверия или элементарной лени.

Размывание границ явления, создающее ощущение его тотальности (Старцев 2014: 79), порождает необходимость детального анализа не абстрактной «коррупции вообще», а корруп-

ционных рисков и коррупционных отношений в конкретных сферах социальной жизни и, при необходимости, определенной демифологизации представлений о коррупции.

Одной из мало изученных с точки зрения рисков распространения коррупции сфер является наука. Коррупция в научном сообществе редко выступает предметом научного анализа, так же как и публичного внимания, за исключением время от времени возникающих и затухающих «скандалов» с «фальшивыми» диссертациями, дипломами, степенями. В рейтингах наиболее коррумпированных областей жизни, составляющихся на основе экспертных и массовых опросов, коррупция в науке часто вообще не упоминается (См., например: Сидоренко 2017). Довольно часто наука фигурирует в официальных документах и научных статьях, посвященных противодействию коррупции, но всегда – рядом с образованием, через запятую (Поляков 2016: 54). И если в сфере образования коррупционные риски, распространенность коррупции и ее последствия достаточно активно и полно рассматриваются в литературе, то науке в этих материалах практически не уделяется внимание.

Означает ли это, что научная сфера жизни нашего общества – наименее коррумпированная? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно в силу целого ряда причин методологического характера, в том числе вследствие того, что сам объект, академическое сообщество, обладает рядом специфических признаков, которые делают его не особенно привлекательным для исследований в области коррупции.

К таким специфическим признакам относятся:

- 1) высокая степень закрытости академического сообщества. Причем закрытость обусловлена не какими-то специальными условиями секретности, географическими или инфраструктурными границами. Закрытость определяется характером продукта и спецификой деятельности. Продукт научной деятельности – статьи, монографии, диссертации, находясь в абсолютно свободном физическом доступе, не может быть оценен внешним наблюдателем или потребителем с точки зрения его потребительских свойств, поскольку потребление научного продукта происходит внутри самой науки. Кроме того, труд ученого является слабо регламентированной деятельностью, про которую не всегда можно даже сказать, происходит она в данный момент

времени или нет, в отличие от труда врача, дворника, строителя или инспектора дорожного движения. В этом он сопоставим с трудом в сфере художественного творчества. Таким образом, наблюдаемые со стороны отношения и действия с трудом поддаются оценке по критериям формального соответствия правилам и законам;

2) дистанцированность от бытовой сферы с массовыми клиентскими отношениями и от сферы государственного и муниципального управления, в том числе от сферы действия антикоррупционных программ. Поскольку в научном сообществе само государство не видит коррупционных угроз, не вводит меры по противодействию коррупции, исследователи коррупции также не особенно заинтересованы в изучении коррупционных отношений в этом секторе экономики.

Именно в силу этих ограничений в данной статье не ставится задача оценивать распространенность или объемы коррупционных отношений в академической среде. Основная цель состоит в том, чтобы на основе материалов интервью с представителями академического сообщества показать те зоны риска, в которых коррупционные отношения потенциально возможны с точки зрения самих ученых. Причем коррупционные риски рассматриваются в контексте трансформации академического сообщества в ходе реформирования академической науки.

В статье используются материалы, находящиеся в открытом доступе, и результаты собственного эмпирического исследования. Часть данных была собрана в процессе изучения изменений, происходящих с региональным академическим сообществом. Были проведены 16 полужформализованных интервью с руководителями академических институтов разного профиля (физико-технического, математического, сельскохозяйственного, экономического, филологического, исторического), с руководителями подразделений этих институтов и с научными сотрудниками институтов. Основные блоки вопросов для полужформализованного интервью направлены на обсуждение не вопросов коррупции, а механизмов адаптации научного сообщества к реформе (Сабурова 2018: 213). Соответственно в статье приведены выдержки из высказываний, лишь косвенно затрагивающих эту тему.

Теоретически зона коррупционных рисков должна обнаруживаться в ситуациях неравномерного доступа к тем или иным

благам с непрозрачной структурой принятия решений и слабо выраженным общественным контролем.

Если говорить о научной деятельности, то к таким гипотетическим зонам риска относятся:

- подготовка и защита диссертационных работ;
- оценка научных результатов работника с помощью системы показателей результативности научной деятельности (ПРНД) и связанная с ней необходимость публикаций в индексируемых изданиях;
- грантовые конкурсы;
- доступ к иным средствам, привлекаемым на проведение исследований;
- прием/повышение/назначение сотрудников.

С точки зрения общественного резонанса *именно подготовка и защита диссертационных работ* выступают наиболее уязвимой для коррупции сферой научной деятельности. Немалую роль в создании этого резонанса играет деятельность Вольного сетевого сообщества «Диссернет», систематически публикующего материалы о недобросовестно выполненных диссертациях. Масштабы изготовления «фальшивых» диссертаций действительно впечатляющие: с 2014 по 2018 г. была «выявлена 7251 диссертация с недобросовестными заимствованиями и с подменной экспериментальных и статистических данных и наблюдений» (Структура... 2018). Авторы проекта констатируют некоторое снижение объема «фальшивок» в последние годы, однако это связано не с нравственным развитием диссертантов, их руководителей, оппонентов и членов диссертационных советов, а с более изощренными формами плагиата, позволяющими обойти системы «антиплагиата».

Впрочем, само по себе недобросовестное и непрофессиональное выполнение своих обязанностей отнюдь не свидетельствует о наличии коррупционных отношений в системе подготовки и защиты диссертационных работ. Общая редукция качества диссертационного процесса есть результат, скорее, снижения профессиональных требований, соответственно повышения доступности такого канала профессиональной мобильности, как получение кандидатских и докторских научных степеней. Если исходить из трактовки коррупции в качестве институциональной реакции на дефицит социальных благ и

их труднодоступность, то как раз в случае с защитами диссертаций для коррупции меньше всего оснований, поскольку при снижении требований со стороны профессионального научного сообщества к качеству работ доступность повышается.

Косвенно о высокой степени доступности услуг подобного рода говорит огромный массив предложений на рынке «диссертационных услуг» с широким разбросом цен. Написать научную работу, оплачивая услуги профессиональных сторонних бизнес-структур, сегодня можно свободно. Попытки государства бороться с этим бизнесом через запрет на рекламу услуг «по подготовке и написанию выпускных квалификационных работ, научных докладов об основных результатах подготовленных научно-квалификационных работ (диссертаций) и иных работ, предусмотренных государственной системой научной аттестации или необходимых для прохождения обучающимися промежуточной или итоговой аттестации» (Федеральный закон № 383-ФЗ, 2018), вряд ли существенно изменят ситуацию. Уже после вступления в силу этого Федерального закона мы получили 5 650 000 ссылок по запросу в поиске Google «помощь в подготовке диссертаций», 44 200 – по запросу «купить готовую диссертацию». Разброс цен тоже очень значительный. Так, кандидатскую диссертацию («с полным сопровождением», «под ключ») можно приобрести по цене 90 000 руб., докторскую – 150 000 руб., научную статью – 5 000 руб., а публикацию в журнале ВАК – 8 500 руб.¹ Некоторые организации предлагают написание докторской диссертации, которое позиционируется как «помощь в подготовке диссертации, набор текста, публикации статей, продвижение докторской диссертации, гарантированная защита и сопровождение в ВАК...», стоимостью примерно 180 000 руб.², а некоторые оценивают написание кандидатской от 200 000 руб.³

Является ли этот развитый бизнес знаком коррупции в науке? Ответить на этот вопрос однозначно также нелегко. Несмотря на то что все подобные бизнес-предложения подразумевают некие «*гарантии при защите диссертации*», трудно судить,

¹ URL: <https://www.dissertatus.ru/> (дата обращения: 14.11.2018).

² URL: <http://teoretik.ru/uslugi/doktorskaya-dissertatsiya> (дата обращения: 14.11.2018).

³ URL: <http://dissernation.ru/pora-pisat-dissertatsiju-kandidatskaja-dissertatsija-tsena-voprosa/> (дата обращения: 14.11.2018).

что имеется в виду: наличие определенных договоренностей с оппонентами и диссертационными советами либо безупречное качество работ и эффективные консультации с диссертантами. В любом случае, отмечая огромную профанирующую роль столь развитого рынка диссертационных услуг в процессе «девальвации ученых степеней» (Соколов 2009), мы можем лишь предполагать, что коррупционных риски в этой системе возможны, но не можем устанавливать сами факты коррупции.

Частично подтверждают данные предположения выводы того же сообщества «Диссернет», касающиеся «ярко выраженного кластерного характера» диссертационных фальсификаций: «клиенты» диссертационных фабрик часто становятся сами участниками следующего поколения защит. Связи в диссертационных кластерах по линии «руководитель – оппонент – член совета» коррелируют со связью «донор текста – реципиент текста». При этом «кластер может быть построен не только по “древесной” схеме, когда один совет и несколько профессоров в нем связаны с несколькими десятками защит напрямую или через учеников. Весьма типичной является ситуация “сильной связности”, когда совет А и совет Б организуют “плодотворное взаимодействие” по схеме: профессора из А постоянно выступают оппонентами у Б и наоборот. При этом в центрах наиболее плотных кластеров находятся бывшие или действующие члены ЭС ВАК» (Структура... 2018).

Однако и этот кластерный характер заимствований может свидетельствовать не столько о коррупции, сколько о высокой степени плотности социального капитала в науке, о плотности самих научных сетей, которые сами по себе могут выступать как фактором снижения качества научного продукта, так и фактором развития, в зависимости от направленности использования социального капитала – для научных целей либо для целей личного обогащения.

Таким образом, можно однозначно констатировать лишь наличие коррупционных рисков в части написания и защиты диссертационных работ. При этом важно отметить, что все указанные проявления недобросовестности (мошенничества, фальсификаций) в диссертационном процессе в качестве последствий несут в основном репутационные потери для научного сообщества, но не отражают характер реальных отношений внутри

академического сообщества, создающего научный продукт. Потребители подобного рода услуг, как правило, приобретают научные звания, не работая профессионально в исследовательском секторе. В частности, наиболее частыми «фигурантами» «Диссернета» оказываются политики, чиновники, депутаты, иногда руководители учебных заведений. Гораздо реже в этом списке встречаются рядовые преподаватели, и лишь в единичных случаях – сотрудники академических институтов (Структура... 2018).

Вот что говорят по этому поводу научные работники, с которыми проводились полужформализованные интервью: *«У нас такого понятия-то не было («фальшивые диссертации». – Л.С.) никогда до тех пор, пока мы не услышали, что где-то такое есть»* (директор института). При этом респонденты отмечают, что в связи с усилившейся борьбой с «фальшивыми» диссертациями в *«защитной активности появилось много новых барьеров»*. В числе прочего это обернулось закрытием многих региональных диссертационных советов, что существенно осложняет возможность академического роста в регионах.

Академическое сообщество в данном случае оказывается не внутри возможных коррупционных отношений, а в их «тени», что, безусловно, обесценивает труд ученого как такового, приводит к снижению мотивации ученых и ухудшению качества научного продукта. Еще одним актуальным и, как полагают некоторые респонденты, коррупциогенным аспектом для функционирования научного сообщества является *система оценки труда по наукометрическим показателям, в том числе по показателям публикаций в индексируемых изданиях, показателям цитируемости* и т.д. Не углубляясь в анализ влияния системы ПРНД на научный процесс, отметим, что коррупционные риски, с точки зрения самих ученых, в этой системе оценки труда обнаруживаются в двух основных точках напряженности.

Это, во-первых, появление так называемых «мусорных» изданий, которые каким-то образом (по мнению некоторых ученых, коррупционным путем) включены в перечень ВАК, в ядро РИНЦ, но при этом не соблюдают принципов научной этики и не занимаются серьезным рецензированием материалов, превращая процесс привлечения авторов в коммерческую деятельность. Уже упоминаемый «Диссернет», классифицируя научные

издания по степени нарушения научной этики и правил отбора статей, констатирует, что многие журналы работают над своей репутацией и стремятся исправлять выявленные нарушения, что говорит о честных издательских намерениях (Российские журналы... 2018). Но многие журналы, публикуя сотни статей в год на коммерческой основе, в той или иной степени связаны с уже упоминаемыми диссертационными «кластерами», в которых в редакционную коллегию входят члены диссертационных советов, пропускающие «липовые» диссертации, что опять же является косвенным свидетельством возможной коррупционной составляющей в науке.

Справедливо замечая, что проблема «мусорных» журналов (журналов открытого доступа, публикующих статьи на коммерческой основе) актуальна для всего мирового научного сообщества, авторы подчеркивают, что российской особенностью является беспрецедентная связь науки и государства: «...наука в России почти полностью интегрирована в государственные структуры с централизованным управлением: высокие публикационные показатели означают защиту диссертации, финансовые надбавки, повышение в должности и прочие блага для научно-преподавательского состава в государственных учреждениях» (Структура... 2018).

Сами ученые также видят проблему явной несправедливости в требовании публикации научных результатов в индексируемых изданиях, полагая, что здесь может иметь место коррупция. Ниже приводятся некоторые рассуждения представителей академического сообщества, высказанные в свободной форме.

«Ну ... это было на прошлой неделе. Что из РИНЦа надо исключить тысячу там, тысячу изданий, уже исключено триста там, триста сорок четыре, что-то вот какое-то неровное число. То есть это журналы, которые принимают статьи за деньги и публикуют. И уже вот этот первый список, причем они уже получили в Интернете мусор, мусорные журналы... они исключены, и люди, которые в них писали, – позор им, в общем, мы будем теперь их гонять. Согласитесь, что особенно при том диком количестве журналов, которые сейчас издаются, нагнуть себе хиршей или там эту ПРНДу, ну, это просто вопрос денег. И времени... Вот это обратная сторона всей наукометрики» (заведующий лабораторией).

«Понятно, что что-то как-то надо сделать, чтоб как-то оценить... Но с цитируемостью проблемы в том, что бывают у системы тогда, когда она начинает моделировать свои стратегии поведения. Есть куча отработанных методик, как работать на эту цитируемость. И они открыты... Деньги отбивают деньги... Их, методик, масса. Как цитируемость обойти, еще что-нибудь сделать. И когда, насколько я понимаю, эта система только вводилась, когда вот на обычную работу еще вот научную систему со своей этикой, стимулирующей, это был эффект. Но потом это начало формулировать такие структуры, такие тактики поведения, которые этику, наоборот, начали давить. Ну, кто проверяют, на то и работают. И поэтому мы в таком неприятном положении, на мой взгляд, что входим туда, где уже отработаны все эти вещи. И как бы эффекта нам такого подстегивающего тоже дает, но очень непрозрачно, как бы вопрос, сколько положительного и отрицательного здесь, так вот я не взялся бы сказать» (директор института).

«Всегда найдется человек, который вкрутит себе эти показатели и обойдет два раза. Надо еще думать, как эту систему разрабатывать, внедрять и стоит ли... Я знаю, кто себе приписывает баллы при расчетах, ... знаю, как все эти индексы Хирша накручиваются, искусственно... Всегда найдется человек, который накрутит его себе до 30 или 40 без проблем. И догнать его будет нереально, если по-честному заниматься научной деятельностью» (старший научный сотрудник).

Общее мнение большинства научных работников состоит в том, что «добиться честным путем нужных показателей публикаций в индексируемых (особенно в системах Scopus и WoS. – Л.С.) журналах практически нереально». И опять же получается, что факты коррупции в этой сфере научным работникам не известны, но возникает предположение о том, что коррупционная составляющая в системе научных публикаций присутствует. Безусловно, подобного рода предположения порождаются абсолютной закрытостью публикационной политики многих изданий (особенно коммерческих) и самой системой включения/исключения журналов из необходимых перечней (ВАК, РИНЦ) и присвоения импакт-факторов тем или иным изданиям.

Примечательно, что, пока российская система индексации и оценки изданий и публикаций находится на стадии внедре-

ния и адаптации к ней научного сообщества, некоторые международные издания уже постепенно отказываются от этих показателей, усиливая открытость издательской и рецензионной политики в противовес закрытой и потенциально коррупционной системе оценки издания через импакт-фактор. Например, такой уважаемый и влиятельный британский научный ресурс, как *Wellcome Open Research*, обеспечивая абсолютную открытость рецензирования статей в режиме он-лайн, декларирует сознательный отказ от оценки издания, фокусируя внимание на открытой оценке самого научного материала: «Все большее число спонсоров и учреждений решительно поддерживают переход от ошибочных показателей фактора воздействия журнала (*impact factor*) и связанных с этим метрик. Модель *Wellcome Open Research* обеспечивает начало эволюции в научной публикации, которая отходит от использования таких измерителей. Ожидается, что эта и другие аналогичные платформы... в конечном итоге будут объединены в одну центральную платформу, которая гарантирует, что оценка может быть выполнена только на уровне статьи»¹.

О необходимости оценивать сам научный продукт, а не издание, в котором он опубликован, говорят и представители академического сообщества: «У нас журнал есть региональный, он крутой-прекрутой ... ценится, такую высокую позицию в России занимает после журнала, который выпускает Высшая школа экономики. Или я здесь опубликую, или я там опубликую, народ должен читать его. Если я там опубликую, мне поставят условно 90 баллов, а если я здесь опубликую, мне поставят 9 баллов. А какая разница – содержание-то одно» (директор института).

В любом случае очевидно, что система наукометрических показателей не только статей, но и изданий, в которых статьи публикуются, в российских условиях пока не выглядит вполне прозрачной и, таким образом, дает основания самим ученым подозревать наличие коррупционных отношений в сфере научных публикаций. Как отмечают критики современной российской системы рецензирования научной продукции, «главная опасность кризиса института рецензирования состоит в том, что поточное производство фиктивных научных статей

¹ URL: <https://wellcomeopenresearch.org/faqs> (дата обращения: 21.09.2018).

легитимирует производство столь же фиктивных научно-экспертных рейтингов и статусов. Это, в свою очередь, приводит к системной коррумпированности...» (Лазуткин 2017: 197).

Как и в случае с «фальшивыми» диссертациями, коррупционные риски складываются не в пространстве самих академических взаимодействий, а в научно-издательском бизнесе, довольно плотно интегрированном в государственную систему управления. То есть периферийные для собственно научной деятельности процессы, оказывающие тем не менее непосредственное влияние на профессиональную жизнь исследователей, порождают фоновые коррупционные ожидания и, возможно, мифы в самом академическом сообществе.

Аналогичная ситуация складывается и с такой зоной напряженности сообщества, как *система распределения грантовой поддержки научных исследований*. Грантовые конкурсы и их результаты, в отличие от «липовых» диссертаций, не являются особо обсуждаемой темой в публичном пространстве. Более того, для самих ученых система распределения грантов представляется очень закрытой.

Интервью с представителями академического сообщества показывают, что никто из информантов не может ни констатировать наличие коррупции в этой системе, ни отрицать ее возможность. Как правило, представители научных коллективов, которым удастся выигрывать гранты, считают «выигрывание грантов» вопросом удачи, везения. А те исследователи, которым меньше «везет», склонны усматривать в этот возможную коррупционную составляющую. Ниже приводятся некоторые высказывания ученых на эту тему.

«Вот сейчас рассматривали систему грантов, на 80% забрал себе К. вот эти гранты. Ну не просто же так. Что они там, такие умные, выдающиеся? Целое министерство работает на них, а жена в Нац. банке... возьми сколько хочешь денег» (директор института 1).

«Понятно, что тебе дают проект под имя, под то, как ты оформил, сформулировал фразы... Ну еще там, конечно, и везение... Например, проект РГНФ, который мы делали в прошлом году... Оба эксперта дают положительное заключение. Но проект не поддержан. Просто – нет. На этом все. Нет» (руководитель лаборатории).

«Некоторые группы научные возьмут 50 грантов, кто поближе там, со связями ... потом везде отчитаются. Понятно, что ну такая схема близка к натурально коррупционной» (директор института 2).

«У нас куча государственных фондов, у нас как бы имитируется конкуренция. То есть вот фонд государственный, другой фонд – государственный, ну как будто они вроде конкурируют. Ученые могут, по крайней мере в области физико-технической, могут так рассудить... Но многие фонды не выдают вообще в открытую оценку даже своих. То есть они решают, кому дать, кому не дать, а экспертные оценки закрыты. Куда потом эти данные уходят, тоже не понятно. Большой вопрос. Если у вас есть тематика, которой занимаются две лаборатории на всей стране, получается, что одна лаборатория подает гранты, другая ее проверяет. В общем, они все друг друга знают, вопрос, экономиста с этикой трудовой начинают напрямую как бы соперничать, эта система чревата тем, что работать будет хуже» (директор института 3).

Очевидно, что на восприятие учеными системы распределения грантов в большой степени влияет общий информационно-психологический фон, который, как уже отмечалось, отличается устойчивыми коррупционными ожиданиями, особенно по отношению к любым государственно-распределительным механизмам, предоставляя универсальную объяснительную парадигму для интерпретации любых непрозрачных социальных процессов. И, безусловно, именно этот фон и эти ожидания порождают соответствующие формы поведения. В исследовании состояния регионального академического сообщества, по понятным причинам, респонденты о своей готовности к коррупционным формам поведения не говорили. Однако прозвучали некоторые косвенные подтверждения использования как минимум социального капитала для решения тех или иных профессиональных или личных целей. Вот, например, один из руководителей следующим образом описывает процесс «добывания ресурсов» для своего института: *«...если бы не помогли (бывшие аспиранты или соискатели, занимающие высокие посты в органах власти или в бизнесе. – Л.С.), ни черта бы мы вообще не жили бы. Сейчас помощь совершенно иная. Вот я прихожу к нему, говорю: Р... или, там, Д... у меня проблема ... Я прихожу и говорю, слушай,*

надо помочь... Вот они готовы сейчас сделать это в виде заказа и взаимного интереса».

Таким образом, еще один источник финансирования научных организаций, прежде всего в сфере прикладных проектов, оказывается потенциально зоной коррупционных рисков. Речь идет, прежде всего, о распределении государственных контрактов на осуществление тех или иных научных разработок. Несмотря на существенные антикоррупционные правовые и административные барьеры при распределении таких заказов, взаимно заинтересованные заказчики и подрядчики обычно знают о механизмах преодоления этих барьеров, хорошо знакомы с «правилами игры» (Коркин 2010). Насколько «обход правил» в этих ситуациях легален, насколько этически и юридически корректен, приводит ли он к ухудшению качества исследовательской работы либо, наоборот, к ее улучшению? Где грань между эффективным использованием социального капитала и коррупционным взаимодействием? Пока все поставленные здесь вопросы не получили ответа ни в правовой, ни в научной плоскости. Не имея целью разрешать данные проблемы, отметим только, что наличие подобных практик усиливает коррупционные ожидания, что приводит часто к заведомому отказу научных организаций от участия в такого рода конкурсах. Вот как об этом говорит директор одного из институтов: *«Участвовать в этих всех конкурсах очень сложно и, по сути, бесперспективно, потому что появляются неизвестно откуда какие-то конторы, и докторов-то у них полно и все они социологических и политических наук... Если выигрывает какая-то сторонняя организация из любого другого региона, то... на субподряд они ищут организации, которые за небольшие деньги готовы выполнить эту работу здесь... Мы, как правило, не соглашаемся, потому что это, во-первых, потеря марки, ну и – зачем работать за копейки, себе в убыток, то есть это экономически не выгодно».*

Конечно, убежденность в бесперспективности участия в конкурсах на проведение прикладных исследований снижает потенциал привлечения финансовых ресурсов для научных организаций. Соответственно, снова можно сделать вывод о том, что возможности развития науки в большей степени ограничиваются не коррупцией, которая в большинстве случаев не очевидна, а коррупционными ожиданиями, которые порождаются

не в научном сообществе, а вне его, в общем информационном пространстве либо на периферии научных процессов, в зоне взаимоотношений науки с внешним миром, прежде всего с государством и бизнесом.

Если же рассматривать внутрикорпоративные отношения в академическом сообществе, то как раз здесь можно говорить о полном отсутствии коррупционных рисков. Это касается как приема новых сотрудников и поступления в аспирантуру, так и назначений на должность. Звучит парадоксально, но именно слабая ресурсная обеспеченность академической науки, особенно в регионах, делает коррупцию внутри научного сообщества ничтожной по вероятности.

Именно отсутствие надежды на серьезное материальное вознаграждение определяет особенности мотивации в сфере научного труда. Данная мотивация, описываемая как сугубо творческая («у нас работают фанатики науки», «у них не главная цель – иметь. У них главная цель – самореализация»), отсеивает уже на уровне выбора профессии или места работы тех претендентов, которые готовы инвестировать в карьеру большие ресурсы, поскольку издержки на эти инвестиции значительно превышают потенциальный доход от чисто научной карьеры в большинстве случаев, особенно в ситуации региональной науки.

Отсутствие клиентских отношений, за исключением теневых услуг по написанию научных работ, о которых упоминалось выше, заведомо нелегальных, также делает исследовательский труд минимально уязвимым для коррупционных рисков. При том что сами научные работники (и руководители, и рядовые исследователи) сетуют на отсутствие внятной фигуры заказчика (потребителя) научных исследований, именно это отсутствие делает внутри научный мир менее зависимым от коррупционной внешней среды.

Однако некоторая изолированность академического сообщества от внешнего мира, которая наряду с прочим означает и «коррупционную изолированность», определяет весьма специфическую конфигурацию ресурсного поля и, соответственно, поля коррупционных рисков. Специфика состоит в том, что, в отличие от других отраслей, имеющих двойные каналы поступления ресурсов – государственные и клиентские, ресурсы и риски не распределяются здесь равномерно, с постепенным

уменьшением по вертикали (от административных центров к рядовым сотрудникам и от географических центров к «провинциям»), а концентрируются в «точках входа ресурсов», то есть – в административных и географических центрах. Именно в академическом сообществе социальная поляризация, нарастающая сегодня во многих сферах жизни, приобретает особенно отчетливые очертания. На одном полюсе находится бюрократическая и академическая элита (которую можно назвать научно-бюрократическим слоем), имеющая эксклюзивный доступ к распределительным механизмам, олицетворяющая собой гипотетические коррупционные риски, работая на границе науки с внешним миром как источником ресурсов. На другом полюсе – исследовательские сообщества, не имеющие иных источников ресурсов, помимо научно-бюрократических каналов, но при этом абсолютно свободные от коррупционных рисков в силу отсутствия клиентских отношений с социальным миром.

В этой конфигурации самым большим риском оказывается одновременное действие двух факторов, обычно влияющих на качество процессов по отдельности, – фактора коррупционного и фактора мотивационного. Коррупционный фактор (либо то, что под ним подразумевает общественное мнение), публично проявляя себя в зоне написания и защиты диссертаций, работает на понижение критериев качества научного продукта, профанируя науку как отрасль, заслуживающую серьезных инвестиций, общественного внимания и уважения. Мотивационный фактор действует через недостаточное понимание рядовыми работниками «правил игры», через сомнения в честности этих правил, через слабую материальную заинтересованность в производстве качественного продукта. Двойное действие этих факторов проявляется в том, что они переплетаются и усиливают друг друга по принципу «воронки»: социальное недоверие и дезориентация в «низах» порождает имитационные формы научного поведения, а в «верхах» эти имитационные формы приобретают характер социальной, в нашем случае научной, нормы. Имитация как норма приводит к вымыванию из академической среды наиболее перспективных с точки зрения научного потенциала сотрудников, с одной стороны, а с другой – ослабляет потенциал отечественной науки в целом, усиливая недоверие к науке со стороны внешней среды.

Мы намеренно оставляем без анализа имущественные отношения, использование бюджетных и привлеченных финансовых ресурсов научными коллективами, поскольку, во-первых, коррупционные риски и механизмы коррупции в имущественных и финансовых отношениях в научной сфере вряд ли существенно отличаются от таковых в любой другой сфере, то есть не являются специфическими именно для науки. Во-вторых, имущественные и финансовые отношения затрагивают в основном административную функцию в организации науки, поэтому они мало влияют на содержательную сторону научной деятельности – на качество и объем научных результатов, на уровень мотивации самих ученых и т.д. В определенном смысле эти риски являются для научных работников «фоновыми», подобно тому как для «простых людей» фоновыми становятся представления о коррупции в «высших эшелонах власти».

Кроме того, анализ коррупционных рисков осуществлялся на основе данных исследования регионального академического сообщества. Насколько корректно было бы экстраполировать выводы исследования на ситуацию в целом в национальном научном сообществе, сказать сложно. Можно лишь предположить, что, поскольку центральные научные сообщества отличаются от периферийных объемом располагаемых ресурсов и плотностью социального капитала, разница эта, возможно, является лишь количественной.

Однако эти ограничения лишь подчеркивают общий вывод, который вытекает из анализа коррупционных рисков внутри научного сообщества. А именно вывод о том, что коррупционные отношения, развивающиеся вокруг науки (в имущественных и финансовых вопросах) и на ее периферии (получение и распределение научных степеней среди лиц, не занимающихся непосредственно научно-исследовательской работой, к примеру), тем не менее значительно ослабляют ресурсы научного сообщества – финансовые, кадровые, но главным образом символические. Таким образом, эта фоновая коррупция, в конечном счете, ослабляет научный потенциал страны. А в условиях растущей глобализации данное ослабление происходит усиленными темпами, поскольку те немногочисленные потенциальные зоны роста, которые, по логике реформы в науке, должны повышать конкурентоспособность российских ученых, не могут

быть актуализированы в условиях дефицита ресурсов и растущей отрицательной селекции в социальной системе в целом.

Материал поступил в редколлегию 19.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Коркин А. 2010. Наука и коррупция: взгляд из Америки : [интервью], 21.09 / беседовала Наталья Быкова. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=53eef3d9-7562-46a6-92c7-8c17e8dbe98f> (дата обращения: 21.11.2018).

Лазуткин А.П. 2017. Глобальный кризис института рецензирования и сетевая модель его преодоления // Научная периодика: проблемы и решения. Т. 7, № 4. С. 197-213.

Поляков М.М. 2016. Противодействие коррупции в сфере высшего образования и научно-исследовательской деятельности // Актуальные проблемы рос. права. № 11 (72). С. 54-62.

Российские научные журналы и публикационная этика [Электронный ресурс] : докл. Вольного сетевого сообщества «Диссернет» [IV], 12 марта 2018. URL: https://www.dissnet.org/publications/nauchnye_zhurnaly_publicationnaya_etique.htm (дата обращения: 02.10.2018).

Сабурова Л.А. 2018. Региональное академическое сообщество в условиях реформирования: основные трансформации и восприятие перемен // Мониторинг обществ. мнения: Эконом. и социал. перемены. № 4. С. 211-228.

Сидоренко Э.Л. 2017. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Журн. рос. права. № 9. С. 154-167.

Соколов М.М. 2009. Несколько замечаний о девальвации ученых степеней: экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса // Эконом. социология. Т. 10, № 4. С. 14-30.

Старцев Я.Ю. 2014. Функциональный анализ коррупции с позиции теории неформальных институтов // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 78-85.

Структура, объем и ключевые игроки диссеродельной индустрии в России [Электронный ресурс] : докл. Вольного сетевого сообщества «Диссернет» [I], 17 января 2018. URL: https://www.dissnet.org/publications/struktura_disserodelnoy_industrii.htm (дата обращения: 02.10.2018).

Федеральный закон от 30 октября 2018 года № 383-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона "О рекламе"» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 45. Ст. 6838.

Lyudmila A. Saburova, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia. E-mail: sabur@udm.ru
ORCID ID: 0000-0002-7243-652X

IN THE SHADOW OF CORRUPTION: PROBLEM OF IDENTIFYING DYSFUNCTIONS IN ACADEMIC COMMUNITY

Abstract. Following the topic of methodological restrictions in the sociological study of corruption, the article attempts to identify corruption risks in a particular professional sphere – in academic science. It is emphasized that unlike many other spheres of public life – state and municipal government, education, and medicine – corruption relations in the scientific community are not appeared as the subject of both scientific study and public interest very often. Due to the comparatively lower public attention, and the less obvious social significance of the results of scientific activity, science in many studies is not even mentioned among the spheres of big corruption, which, of course, does not mean it is not invulnerable to corruption processes.

That is why, in studying the corruption risks in the science not only external assessments are important, but also a look “from the inside”. Therefore, the main provisions presented in the article are based both on the analysis of data from open sources, and on the reflection of the representatives of the scientific community themselves, identified in an empirical study of the transformation of the regional academic community in one of the Russian regions – Udmurt Republic.

The article analyzes the practice of falsification of dissertations, the risks of falsification in the publishing sphere, as well as the mechanisms for the distribution of grants and other forms of financial support for scientific research as the main risk aspects. It is emphasized that these risks do not necessarily imply corruption in the literal sense since they can be behind of all kinds of dysfunctions of academic system – dishonesty, plagiarism, unfair distribution of funding, imitation of scientific work, etc. Since the analyzed practices are mostly carried out at the borders of the academic world, primarily in the relationship of science with the system of state distribution of material and symbolic resources, it is emphasized that these dysfunctions have a greater effect on the system of professional norms and expectations within the community and beyond, placing science in a kind of “shadow” of corrupt expectations.

Accordingly, the article concludes that corruption processes in science influence the development of scientific resources not directly, but indirectly through lowering standards of scientific work, on the one hand, and, on the other hand, by reducing the professional motivation of the scientists themselves, who find themselves in a position of disorientation, and increasing isolation from public resources.

Keywords: corruption risk; academic community; quality of scientific product; transparency; corruption expectation; dysfunction.

References

Federal'nyy zakon ot 30 oktyabrya 2018 goda № 383-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 7 Federal'nogo zakona "O reklame"» [Federal Law of 30.10.2018 N 383-FZ «On Amendments to Article 7 of the Federal Law "On Advertising"»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 45, art. 6838. (in Russ.).

Korkin A. *Nauka i korruptsiya: vzglyad iz Ameriki : interv'yū* [Science and Corruption: A View from America : interview] September 21, 2010, available at: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=53eef3d9-7562-46a6-92c7-8c17e8dbe98f> (assessed November 21, 2018). (in Russ.).

Lazutkin A.P. *Global'nyy krizis instituta retsenzirovaniya i setevaya model' ego preodoleniya* [Global crisis of peer review institute and network model of it's overcoming], *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 197-213. (in Russ.).

Polyakov M.M. *Protivodeystvie korruptsii v sfere vysshego obrazovaniya i nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti* [Anti-corruption in higher education and research], *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2016, no. 11 (72), pp. 54-62.

Rossiyskie nauchnye zhurnaly i publikatsionnaya etika Elektronnyy resurs : doklad Vol'nogo setevogo soobshchestva «Dissernet» [IV] [Russian scientific journals and publication ethics], March 12, 2018, available at: https://www.dissernet.org/publications/naychnye_zhurnaly_y_publicationnaya_etique.htm (accessed October 2, 2018). (in Russ.).

Saburova L.A. *Regional'noe akademicheskoe soobshchestvo v usloviyakh reformirovaniya: osnovnye transformatsii i vospriyatie peremen* [Regional academic community in the context of reform: major transformations and the perception of change], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2018, no. 4, pp. 211-228. (in Russ.).

Sidorenko E.L. *Sostoyanie i dinamika bytovoy korruptsii v Rossiyskoy Federatsii* [The state and dynamics of everyday corruption in the Russian Federation], *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 9, pp. 154-167. (in Russ.).

Sokolov M.M. *Neskol'ko zamechaniy o deval'vatsii uchenykh stepeney: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz dinamiki simvolov akademicheskogo statusa* [A few comments on the devaluation of academic degrees: an economic and sociological analysis of the dynamics of symbols of academic status], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2009, vol. 10, no. 4, pp. 14-30. (in Russ.).

Startsev Ya.Yu. *Funktsional'nyy analiz korruptsii s pozitsii teorii neformal'nykh institutov* [Functional analysis of corruption from the standpoint of the theory of informal institutions], *Rudenko V.N. (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. nauch. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2014, pp. 78-85. (in Russ.).

Struktura, ob'em i klyucheveye igroki disserodel'noy industrii v Rossii : doklad Vol'nogo setevogo soobshchestva «Dissernet» [I] [Structure, volume and key players of the dissertation industry in Russia], January 17, 2018, available at: https://www.dissernet.org/publications/struktura_disserodelnoy_industrii.htm (accessed October 2, 2018). (in Russ.).